

ОБРАЗ ЕВГЕНИЯ В ПОЭМЕ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК» И ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНСКОГО ГУМАНИЗМА.

Образ Евгения, возможно, как никакой другой образ в творчестве Пушкина, концентрирует в себе особое качество русского гуманизма с его философско-религиозной глубиной, сыгравшего огромную, определяющую роль в становлении отечественной литературы, устремлённой к христианскому идеалу, которую, как известно, Томас Манн назвал святой.

Цель настоящей статьи – обратиться к таким сторонам пушкинского гуманизма в поэме «Медный всадник», которые ещё не стали предметом широкого изучения в современном «всадниковедении».

Если вслед за В. Непомнящим говорить «о совершенно особом рода *реализме*, присущем Пушкину – реализме *онтологическом* (бытийственном), при котором человеческая жизнь, со всем её мраком и «растрёпанностью», является в то же время насквозь пронизанной светом, исходящим от священных, Богом заложенных основ Бытия» (1,8), то он в полной мере проявляется в «Медном всаднике» – вершинном произведении творца. Именно поэтому здесь можно увидеть присущую исключительно светскому по форме творчеству Пушкина в целом, ярко проступающую «религиозную точку зрения на мир, жизнь и человека... в самом способе художественного мышления, в характере реализма, основанного на ощущении священности Бытия и обращённого к высшей правде, в поэтической архитектонике и строительных приёмах...» (1,11).

С этих позиций обратимся к заключительному отрезку Пути героя, в поэтике изображения которого была явлена пушкинская художественная философия человека в мире с его «самостоянием» и определёнными взаимоотношениями с властью кесаря, руководством в своём поведении представлениями, значительно более нравственными и высокими, чем у неё.

Евгений, каждый шаг которого поэт наполняет насыщенной семантикой, создавая пластичный язык подтекста, после преследования Медным всадником не предстаёт фигурально растоптанной копытами коня сломленной личностью, потерявшей себя и испытавшей только страх. Его смятение, сердечная мука, смущённые опущенные глаза, снятый картуз, как представляется, выражали не униженность и покорность, а, скорее всего, глубокое раскаяние, муки совести и чувство стыда за свой чёрный бунт, временное помрачение разума злобой и негативную трансформацию – ту модель поведения, которая, ненадолго в нём проявившись, бесследно исчезла.

Однако это чувство вины Евгений, не переставая быть героем, испытывает прежде всего... перед самим собой. Дело в том, что в этой сцене Пушкин намеренно не упоминает Медного всадника, а лишь «ту площадь», лишь невозможность для своего персонажа поднять смущённые глаза. И хотя конная

статуя неизбежно присутствует в это время на площади, в данной сцене она не попадает в фокус непосредственного изображения, а становится фигурой умолчания – частый пушкинский приём в поэме. За счёт подобной авторской тонкости изображения поведение Евгения не выглядит как унижение перед лицом «грозного царя». Он, повторимся, не переставал быть героем и «шёл сторонкой» к высокому завершению своего Пути и своей жизни. Не случайно следующая пушкинская фраза в тексте – «Остров малый / На взморье виден иногда» (III,272), где происходит достижение героем конечной точки земного Пути и уход из мира.

Состав текста в финале «Медного всадника» (равно как и в предыдущих частях) заставляет думать, что Пушкин намеренно прячет все мотивировки поведения героя. Возможно, ему необходимо сказать о важнейших вещах, донести читателю постигнутые им истины, но при этом не возбудить гнев высочайшего цензора, дабы не услышать его зловещего «тяжелозвонкого скаканья» за своей спиной. Этими соображениями, по-видимому, может объясняться «пунктирная» поэтика изображения Евгения в поэме, включая финал, когда смыслы существуют скрыто, подспудно и более угадываются во внутренней логике образа, чем видятся в его пластике.

Продолжение поисков возлюбленной и уход навстречу ей в запредел можно рассматривать и как определённую форму косвенного вызова власти кесаря путём ухода из-под неё. Отказываясь от бунта как силового варианта утверждения своей правды, от насилия и зла в себе как порождения мира Медного всадника, герой демонстрирует исповедование других ценностей, в основе которых лежит и непротивление злу, и отвержение его в себе и в мире, и любовь, которая предстаёт в поэме сильнее смерти. Более того, отказываясь от возмездия ложному «кумиру», «горделивому истукану» (эти обозначения были для Пушкина принципиально важны), герой поступал точно в соответствии с Евангельским заветом Христа – *Мне отмщение, и аз воздам*. К тому же в тихом отказе от повиновения кесарю (смирение, напомним, не было знаком повиновения, равно как и смерть на пороге выброшенного рекой дома) и его миру проявлялся осознанный, свободный выбор героя, осуществлялся его отказ от зла, происходило сохранение своей истинной сути и торжествовала **сотериологическая идея** (идея спасения). В этом находил своё выражение **христианский гуманизм** Пушкина, наиболее определённо из всех его образов предстающий в образе Евгения из «петербургской повести».

Важно подчеркнуть, что, будучи, с одной стороны, вытесненным из мира, *побеждённым*, созданный русским гением тип героя оказывался в духовном измерении **победителем мира** с его ложными кумирами, катастрофами, искушениями злом и несправедливостью, от которого он отказался, не стремясь переделать его путём насилия и *избежав внутреннего разрушения*. Поэтому в трагедии Евгения ощутим свет высшей Правды о человеке, с позиций которой осмысляет Пушкин созданного им нового героя русской литературы. Здесь обозначается духовный феномен, о котором очень точно сказал В.Н.Топоров:

«Петербург – бездна, «иное» царство, смерть, но Петербург и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни, где русская культура справляла лучшие из своих триумфов, так же необратимо изменившие русского человека» (2,8).

Философская концепция Пушкина, воплощённая им в герое «Медного всадника», восходит прежде всего к христианским представлениям о человеке. «Человек, – пишет современный учёный-богослов А.Кураев, – возвышается над миром потому, что не всё в человеке объяснимо законами того мироздания, в которое погружено наше тело и низшая психика. Не всё в нас родом из мира сего. А потому не всё имеет общую с ним судьбу. <...> То, что происходит в человеческом сердце, христианство сочло более значимым, чем то, что совершается вокруг: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит? – Мф.16:26». Речь идёт о несоразмерности внутреннего измерения человека с измерениями внешнего мира. «Ничто в мире не может действовать свободно, а человек – может. Значит, человек есть нечто большее, чем мир. Таким образом, в человеческом нравственно-свободном опыте проступает иное измерение бытия, бытия, не ограниченного пространством, временем, детерминизмом и одарённого свободой, нравственностью и разумом. Такое бытие на языке философии именуется Богом» (3,32-48).

Нетрудно заметить, что за отказом от ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», за раскаянием во временном помрачении и уходе, в поэме «Медный всадник» стоит герой, который *больше мира и лучше мира*, отвергнувшего его, и на котором в произведении лежит отблеск христианского идеала. Он не пассивная игрушка надчеловеческих стихийных сил, включая «строителя чудотворного». В идеале *он* должен был бы быть смыслом мира, созданного Петром. А поскольку этого смысла в мире кесаря нет, пушкинский герой *становится ему приговором*. Поэтому его Путь, состоящий из лишений, страданий, высоких прозрений, в которых происходит познание зла, раскаяние в соблазне и самосовершенствование, спасение души в отказе от мира и уходе, – предстаёт в поэме как *Путь христианина*.

Этот ведущий смысл образа Евгения, для выделения которого в «Медном всаднике» есть все основания, во многом оставался за пределами понимания пушкиноведением, хотя о христианских, библейских мотивах поэмы было в разное время сказано немало И.Немировским, Н.Анциферовым, А.Тарховым, увидевшим в Евгении проявление модели притчи об Иове (4,с.62-64), Г.Зотовым, Ю.Сугино и рядом других исследователей. Между тем, не случайно последним словом в завершившейся сюжетной линии Евгения, венчающим поэму, по воле автора становится слово «Бог» – «Похоронили ради Бога» (III,273). Этот художественный факт можно, на наш взгляд, рассматривать как прямое пушкинское указание на ключ к идее его героя. Если же попытаться ответить на вопрос, почему в том же финале поэмы Пушкин продолжает называть своего героя *безумцем* («Нашли безумца моего»), то так можно оценить весь комплекс поведения героя с позиций обыденного (дневного,

профанного) сознания, что и делает поэт, подчёркивая этим его неотмирность и закономерность смерти у порога пустого дома.

Поэма «Медный всадник» благодаря своей художественной философии, и прежде всего концепции человека, может быть рассмотрена с позиций теории *русского Возрождения* в литературе, развивающейся с середины 70-х годов XX века в порой полемичных друг другу исследованиях В.В.Кожина, Д.С.Лихачёва, Л.И.Тимофеева, Г.П.Макогоненко, Н.Я.Берковского, В.С.Непомнящего, Г.Митина и других. Российская специфика этого общеевропейского процесса в области духовной культуры, если не вдаваться во все подробности, заключалась в следующем.

Идеи первенства *человека* в мире как его конечный смысл, как высшая божественная ценность, венец творения, сложившиеся в Западной Европе в период с XIV по начало XVII века, в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX века формировались вслед за динамикой общественно-исторического и политического развития России, приданной ей революционными преобразованиями Петра. Они возникали и под контактным влиянием ренессансной культуры Запада, и как отражение внутренних тенденций становления «самостоятельной, суверенной личности, а, следовательно, и личностного содержания литературы» (5,257).

В России это явление органично включило в себя Возрождение христианской духовности, унижаемой и разрушаемой Петром, ликвидировавшим, в том числе, «утверждавшуюся ещё патриархом Никоном «симфонию властей»; власти светской, царской – и власти духовной, церковной» (6,13). Вызов материализму петербургского самодержавия, его попытке «переделать нацию по чужому образцу, перестроить не только её жизнь, но и саму душу народа, не считаясь с особенностями православного склада, с привычкой и глубоким народным убеждением, что на первом месте в жизни – духовное, а не материальное» (1,10), был брошен одой Державина «Бог». Мысль о том, что перед Богом все равны, что человек отчитывается только перед ним как перед высшей инстанцией, была вызовом власти земной, претендующей на тотальность. «Иначе говоря, – пишет Г.Митин, – в своём творчестве Державин возродил то именно двоевластие, которое уничтожали, но так и не смогли уничтожить Пётр Великий и Екатерина Великая» (6,13).

Центральной фигурой русского Возрождения, интегрировавшей всё лучшее, что пришло из Европы, с убережёнными от катастрофы петровской революции христианскими идеалами, фигурой, стоящей у истоков русского извода христианского реалистического искусства, выросшей в явление мирового значения, по господствующему мнению исследователей этого феномена, явился Пушкин. Он на высочайшем уровне продолжил духовный и художественный путь, начатый благословившим его «стариком Державиным».

«Петербургская повесть» концентрирует в себе *христианскую гуманистическую аксиологию* Пушкина и предстаёт эпохальным произведением русского Возрождения, уникальным в литературе по своему

первенству, масштабу воплощения новой художественной идеологии, в центр которой автором ставится герой нового типа, влиянию на последующий литературный процесс. Все элементы мифопоэтики поэмы – фольклорные сюжетные схемы, ходы, мотивы, фигуры, представления, а также и античные реминисценции подчинены её главенствующему **христианскому началу** в качестве выразительных средств и не выходят за его мировоззренческие рамки, будучи для Пушкина лишь художественным арсеналом.

Суверенная личность Евгения, в которой её гениальным создателем в свете христианских ценностей воплощалось понимание высоты человеческого духа, поражения и победы в противостоянии с властью и миром, счастья, свободы, спасения, преодолевала детерминизм социума и государства. Она стала **первым в отечественной литературе ренессансным героическим образом** в его российской ипостаси, выросшим из отечественной национально-исторической и духовной почвы, определившим стержень конфликта великой поэмы и пропустившим через себя его острие.

Тип героя, созданный Пушкиным в «Медном всаднике» в образе Евгения, предстаёт подлинно художественным открытием не только для русской литературы. Узнаваемые типические черты присутствуют в нём, органично складываясь в откровенно новаторский образ, несущий на себе яркую печать национальной характерности. Пушкинский **тип героя** самим фактом своего возникновения вместе с антиутопическим началом поэмы явился «русской вестью миру», что затем подтвердилось его влиянием на последующий литературный процесс.

Находясь в оппозиции ко всему мироустройству, начиная с власти, *герой евгеньевского типа* поступает по принципу «непротивления злу насилием». **Уход** становится знаком надмирного характера идеалов героя и служит средством выражения приговора миру, особой формой отрицания царящего в нём кумира. Сознательно или бессознательно, герой своим уходом демонстрирует подчинение только **высшей Правде**, о существовании которой хорошо знал его творец – создатель новаторской гуманистической концепции личности в поэме «Медный всадник».

Тип героя, созданный Пушкиным в «Медном всаднике» в образе Евгения, предстаёт подлинно художественным открытием не только для русской литературы, но по своему человеческому и философскому масштабу достойным стать в ряд великих литературных типов европейских литератур, что не было осознано в своё время ни в России, ни в Европе. Известные, узнаваемые типические черты присутствуют в нём в необычных сочетаниях наряду с такими чертами, которые были неизвестны большой литературе. Они органично складываются в откровенно новаторский образ, несущий на себе яркую печать христианского гуманизма в его национальной характерности. **Евгеньевский тип героя** самим фактом своего возникновения вместе с антиутопическим началом поэмы явился «русской вестью миру», что затем подтвердилось его влиянием на последующий литературный процесс.

Итоговый контурный портрет Евгения как носителя типических черт может выглядеть следующим образом. Под пером Пушкина возникает благородный по рождению и строю души человек с чувством собственного достоинства, не имеющий низменных черт, с печатью сиротства – родового одиночества, выражающей его незащищённость от внезапных бедствий, которые выступают неотъемлемой составляющей чертой его взаимоотношений с миром. Пафосом литературного существования такого типа героя становятся **любовь земная, испытания и достойно пройденный Путь с его трагизмом и гибелью в финале.**

Его жизненные устремления отмечены тяготением к базовым ценностям и отличаются онтологичностью, лежащей в основе внешне обыденных желаний по устройству своего дома и семейного счастья. Человеческий и общественный потенциал подобного типа личности в мире оказывается во многом не востребован не по его вине, а как отражение свойств этого мира

Герой неизбежно оказывается перед лицом всеобщей катастрофы, и как все, подвергается лишениям и страданиям. Но именно тогда проявляется и его особая сущность – **немассовидность, неотмирность, избранность** для Пути героя. *В то же время в одном из ракурсов своей типизации он разделяет общую народную судьбу перед лицом бедствия и становится её воплощением.*

Для героя, обладающего обострённым личностным самоощущением, катастрофа выступает тем событийным полем, в котором он претерпевает внешнюю и внутреннюю эволюцию и обретает трагический статус. При этом героическое в пушкинском персонаже в немалой степени лежит в сфере духа, имеет и традиционное, и одновременно авторски переосмысленное семантическое наполнение. Оно связано, прежде всего, с его высоким понятием о жизненных ценностях и идеалах, формирующих модель героического, и прежде всего, христианского поведения и выступает одним из вершинных художественных воплощений пушкинского гуманизма.

ЛИТЕРАТУРА

Пушкин А.С. Собрание сочинений: в десяти томах. – М.: Правда, 1981. Все цитаты даются по этому изданию с указанием тома и страницы.

1. Непомнящий В. О Пушкине и его художественном мире. Статья третья // Лит. в школе, №3, 1996. С. 3 – 12.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избр. труды. – СПб.: Искусство – СПб, 2003. – 612 с.
3. Кураев А. Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир. – М.: Паломник, 2003. – 543 с.
4. Тархов А.Е. Повесть о петербургском Иове // Наука и религия, 1977, №2. С. 62 – 64.
5. Кожин В.В. Типология и своеобразие. (Ещё раз о построении истории русской литературы) // Контекст – 1975. – М.: Наука, 1977. С. 241 – 266.
6. Митин Г. Тайна вещей строк. Русское возрождение: от Державина до Блока // Лит. в школе, №3, 1996. С.12 – 21.

Аннотация

Перзеке А.Б. Образ Евгения в поэме «Медный всадник» и проблемы пушкинского гуманизма.

В статье рассматривается образ Евгения с точки зрения воплощённого в нём пушкинского гуманизма с его философско-религиозной глубиной. Герой, отказавшийся от бунта, мести и избежавший внутреннего разрушения, выступает в произведении носителем идеи спасения. Он оказывается больше и лучше мира, отвергшего его. Раскрывается возможность взгляда на поэму с позиций теории русского Возрождения. «Петербургская повесть» включает в себе христианскую гуманистическую аксиологию Пушкина и предстаёт уникальным в литературе произведением эпохального масштаба.

Христианский гуманизм, идея спасения, русское Возрождение.

Анотація

Перзеке А.Б. Образ Євгенія в поемі «Мідний вершник» та проблеми пушкінського гуманізму.

У статті розглядається образ Євгенія з точки зору втіленого у ньому пушкінського гуманізму з його філософсько-релігійною глибиною. Герой, що відмовився від бунту, помсти та уникнув внутрішнього руйнування, виступає у творі носієм ідеї врятування. Він виявляється більше та краще світу, що відмовився від нього. Розкривається можливість погляду на поему з позицій теорії російського Відродження. «Петербурзька повість» втілює у собі християнську гуманістичну аксіологію Пушкіна та предстає унікальним у літературі твором епохального масштабу.

Християнський гуманізм, ідея врятування, російське Відродження.

Annotation

A.B. Perzeke. The image of Eugene in the poem “Copper Rider” (“Medniy Vsadnyk”) and the problem of Pushkin’s humanism.

The paper under consideration focuses on the image of Eugene from a perspective of Pushkin’s humanism with its philosophic and religious depth embodied in him. The character, who refused the strike and revenge and avoided the inner destruction, is the bearer of the idea of salvation in the book. He appears to be greater and better than the world that rejected him. The possibility to view the poem from the position of Russian Renaissance Theory is manifested. “The Tale of St. Petersburg” (“Peterburgskaya Povest”) comprises Pushkin’s Christian humanistic axiology and turns to be a unique work of literature of epochal scale.

Christian humanism, the idea of salvation, Russian Renaissance.

Рецензент Выбрик Е.В. – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой зарубежной литературы и компаративистики Кировоградского государственного педагогического университета им. В.Винниченко.